

Внутренняя колонизация России:

Вокруг книги «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей» / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

От редакции

Тема внутренней колонизации уже обсуждалась в нашем журнале [см.: Политическая концептология. — 2012. — № 1-2]. В декабре 2012 г. издательство «Новое литературное обозрение» опубликовало сборник статей «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России». Это издание — первый международный и междисциплинарный опыт исследования внутренней колонизации. Александр Эткинд, Дирк Уффельманн и Илья Кукулин определяют внутреннюю колонизацию как применение практик колониального управления внутри государства. Речь идет об особом типе отношений между государством и подданными, при котором государство относится к населению страны как к покоренному в ходе завоевания, а к территории как к захваченной и потому требующей заселения из одного центра. Такой тип господства использовался многими империями, но особенно характерен для России. Изучение данного феномена позволяет увидеть в новом свете главные особенности российской политики и общественной жизни.

Часть материалов сборника публикуем в нашем журнале по любезному разрешению издательства «Новое литературное обозрение» и авторов.

ВНУТРЕННЯЯ КОЛОНИЗАЦИЯ РОССИИ: МЕЖДУ ПРАКТИКОЙ И ВООБРАЖЕНИЕМ¹

А.М. Эткинд

Кембриджский университет (Великобритания)

Д. Уффельманн

Университет Пассау (Германия)

И.В. Кукулин

Национальный исследовательский университет —

Высшая школа экономики

Аннотация: *В статье обоснована продуктивность применения термина «внутренняя колонизация» и концепции внутренней колонизации к материалу истории российской*

¹Благодарим Марию Майофис и Михаила Долбилова за консультации и Андрэ Шмидта — за содействие при уточнении библиографии.

культуры и российского общества. Проанализирована история, методологический смысл и различные традиции использования концепции внутренней колонизации в работах историков, экономистов и теоретиков культуры, изучающих различные страны и регионы.

Ключевые слова: империя, внутренняя колонизация, колониальное управление, колониальный тип господства, история русской культуры, история России.

1

Божиею поспешествующею милостию, Мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новгорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский, и всея северные страны Повелитель; и Государь Иверские, Карталинские и Кабардинские земли и области Арменские; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, и прочая, и прочая, и прочая [Свод Законов 1912: 1, 4-5].

Достигнув этой финальной формы в начале XX века, титул российского императора входил в Свод законов Российской империи (статья 59) и изучался в гимназиях. На каком языке, однако, надо его читать — юридическом или историческом? В каком смысле смоленская вотчина названа великой, а эстляндское владение — нет? Почему лифляндское владение попало в тот же разряд, что и тверское? По каким причинам Туркестан был приравнен к Рязани? Почему владение Польшей приравнено в этом титуле к владению Сибирью, и Польша, частично присоединенная к России в XVIII веке, названа в титуле раньше, чем Сибирь, чья территория вошла в состав Московского царства в XVI-м? Чем оба этих права отличаются от владения Киевом, Рязанью или Арменией? И о каком праве здесь идет речь — международном или внутреннем?

Суверенитет российского императора в равной степени — безо всяких качественных или количественных, исторических или юридических различий — распространялся в его официальном титуле как на старинные земли, из которых росла и развивалась империя, так и на земли, захваченные исторически недавно или даже вовсе не приобретенные. В один и тот же разряд попадали территории, колониальное освоение которых было разделено многими столетиями. Географически далекие, культурно чуждые, иногда политически нестабильные земли перечислялись в одном списке с владениями древними, близкими, столичными. Имперский суверенитет над такими разными пространствами описывался как один и тот же — единый и неделимый².

Тогдашние юристы и историки не могли бы объяснить логики этой структуры, хотя юристы и комментировали титул в книгах по государственному праву [см., например: Казанский 1913: 558-624], а историки — в сочинениях по геральдике [Лакиер 1855: 245-251; см.

²Если не считать таких юридически сложных вопросов, как владение Финляндией, которая формально имела очень широкую автономию (а с 1878 года — даже «собственную» армию), граничившую с личной унией [подробнее см.: Пыжиков 2003], и владение Польшей, которая между 1815 (создание Царства Польского) и 1832 годами (издание Органического статута Царства Польского, упразднившего сейм и провозгласившего Польшу неотъемлемой частью Российской империи) имела довольно широкую автономию.

также: Лакиер 1847]. Знание исторической последовательности территориальных приобретений империи не решает загадку императорского титула. Александр Филюшкин, специально исследовавший эволюцию самообозначения российских монархов, констатировал, что принципы включения земель в императорский титул неясны или произвольны [Филюшкин 2006: 203-210].

Любопытно, что эта историко-правовая конструкция, дефинитивная для российского суверенитета, почти не подвергалась обсуждению или критике в русской общественной мысли. Потому ли так случилось, что она воспринималась как очевидная и неоспоримая, или потому, что она казалась «заумной» и не подлежавшей рациональному анализу? Возможно, российский императорский титул казался сходным с титулами других европейских монархов. Но при таком сравнении легко увидеть, что страны и территории, перечисленные в официальном наименовании российского царя, более разнообразны и контрастны³, чем в других аналогичных титулах. При чтении российского титула бросаются в глаза географическая удаленность, культурная гетерогенность и экзотичность названий многих имперских владений. Перед нами текст, барочный по своей поэтике. Те, кто писал и переписывал этот юридический опус в течение двух столетий, не ставили перед собой задачи разбить имперские владения на категории, выстроить из них некую иерархию, удалить самые выдающиеся несуразности, придать титулу риторическую стройность и всем этим облегчить задачу гимназистам, которые обязаны были учить его наизусть. Усилия имперских юристов были направлены на иные цели. В восприятии составителей и обладателей императорского титула многочисленные детали и несообразные реалии не только не исказили его барочную поэтику, но усиливали желаемый эффект, в природе которого нам предстоит разобраться.

Андрей Белый начал свой роман о закате империи с пародии на титул российского суверена:

Что есть Русская Империя наша? Русская Империя наша есть географическое единство, что значит: часть известной планеты. И Русская Империя заключает: во-первых — великую, малую, белую и червонную Русь; во-вторых — грузинское, польское, казанское и астраханское царство; в-третьих, она заключает... Но — прочая, прочая, прочая. <...> Град первопрестольный — Москва; и мать градов русских есть Киев. Петербург... подлинно принадлежит Российской Империи. А Царьград... (<...> Константинополь) принадлежит по праву наследия. И о нем распространяться не будем [Белый 1981: 9].

Как и сам титул с его норвежским владением, Белый включил в свою ироническую версию как старо- и новоприобретенные земли, так и территорию, которая, несмотря на постоянно высказываемые стремления, захвачена Россией так и не была, — Константинополь-Царь-

³Британский монарх по Акту 1927 года (Royal and Parliamentary Titles Act) назывался королем (или королевой) «Великобритании, Ирландии и британских заморских доминионов». Император Австро-Венгрии после произошедшей в 1866 году потери Венеции назывался так «Император Австрии, апостолический король Венгрии, король Богемии, Далмации, Хорватии, Словении, Пшиции, Лодомерии и Иллирии, король Иерусалима и прочая, эрцгерцог Австрии, великий герцог Тосканы и Кракова, герцог Лотарингии, Зальцбурга, Штирии, Каринтии, Крайны и Буковины <...> Великий воевода Воеводства Сербского и Гроссмейстер Ордена Золотого руна». Нынешний титул короля Испании по Конституции 1978 года включает в себя указание на множество земель, сегодня Испании не принадлежащих, и все же менее гетерогенен, чем титул российских монархов, так как в нем последовательно перечисляются владения или территориальные притязания разных династий — дома Трастамара, властвовавшего в XV веке, Габсбургов, правивших страной в XV-XVI веках, и Бурбонов, правящих сегодня: «Его Католическое Величество король Испании, король Кастилии, Леона, Арагона, Двух Сицилий, Иерусалима, Наварры, Гранады, Севильи, Толедо, Валенсии, Галиции, Сардинии, Кордовы, Корсики, Мурсии <...> Западных и Восточных Индий, островов и срединных земель Моря-Океана, эрцгерцог Австрии, герцог Бургундии, Брабанта, Милана, Афин и Неопатрии...» и т. д.

град⁴. Испытывая *стилистические разногласия* с давно устаревшей поэтикой имперского титула, Белый редуцировал историческую гетерогенность имперского суверенитета, переведя его из категорий права в сказовую стилистику, с политико-юридического языка — в чистый фольклор. Эта трансформация показательна. Белый остро чувствовал, что динамическая неопределенность границ между российскими метрополиями и колониями, трудности в различении между внешним и внутренним, своим и чужим, зависимым и независимым не снимают проблемы российского суверенитета, но, напротив, конституируют ее.

Как писал Карамзин, возражая против идеи Александра I восстановить польскую государственность на том основании, что Польша некогда была независимой: на этом основании «мы должны были восстановить и Казанское, Астраханское царства, Новгородскую республику, Великое княжество Рязанское и так далее» [Карамзин 2002: 437]. Казалось бы, Карамзин должен был хорошо понимать странность такого аргумента: ведь *третий* раздел *Речи Посполитой*, ликвидировавший ее самостоятельность, произошел на тот момент совсем недавно, когда писатель и историк был уже взрослым человеком — в отличие от присоединения Казани и Астрахани, совершенных, как известно, при Иване Грозном. О том сопротивление, которое вызвал этот раздел, корреспондент императора помнил, вероятно, тоже хорошо. Но Карамзин использовал не историческую, а юридическую логику, предполагавшую формальное «равенство» всех земель, включенных в российское государство⁵. И тем не менее в этом письме отзывается реально существовавшая двусмысленность российского государственного устройства, как оно было представлено в императорском титуле: трудность различения «внешних» и «внутренних» земель, неопределенность границ⁶, изменчивость критериев и были особенностями, которые отличали Российскую империю от ее друзей и врагов, с которыми она себя постоянно сравнивала, опыт которых перенимала, стараясь превзойти и опровергнуть.

Россия вышла на международную арену одновременно с Португальской и Испанской империями. Она росла в соревновании с сухопутными империями прошлого (Монгольской)⁷ и настоящего (Османской, Прусской, Габсбургской, с Речью Посполитой). Она созрела в конкурентной борьбе с великими морскими империями (особенно Британской). И пережила большинство из них. В некоторые исторические периоды Британская империя превосходила Российскую по площади своих владений, но последняя была намного более долговечной. Расчеты, принимающие во внимание и количество квадратных километров, которые контролировали различные империи, и длительность этого контроля, показали, что Российская империя была самой протяженной в пространстве и самой долговечной из всех империй, заставших начало Нового времени [Таагерга 1988: 1-8].

Где границы российской метрополии, откуда начинаются российские колонии и как их различать? Понятно, что ответы зависят от временной точки отсчета; но их трудно давать даже и в синхронных срезах. Например, на рубеже XVIII-XIX веков границы метрополии шли по Кавказскому хребту, реке Амур и Берингову проливу. Но, пользуясь более содержательным критерием однородности гражданских прав (кодифицированным в тогдашнем рос-

⁴Аналог Иерусалима, на обладание которым претендовали Габсбурги и который сейчас входит, как уже сказано, в титулатуру наследующих им королей Испании.

⁵Подробнее об имперско-колониалистской логике Карамзина применительно к Польше см.: Кручковский, Хиллота 2011.

⁶Ср. у А. Филюшкина: «Для отбора земель в титул [в XVI веке] были важны как раз рубежи и новые приобретения: в него попадали крайние пограничные территории на севере-юге-востоке-западе, правда, не всегда расположенные по „русскую“ сторону границы» [Филюшкин 2006: 210].

⁷О влиянии самоназвания монгольских ханов на титул русских государей см.: Успенский 2000: 49-52, 96-97. По Успенскому, первоначально «царь» в составе титула ассоциировался со словом «хан» и лишь позже стал все больше и больше восприниматься как русский эквивалент византийского «басилевса».

сийском праве в понятии «природного подданства» [Гессен 1909; см. также: Лор 2012]), может быть, правильнее проводить границу метрополии по черте еврейской оседлости, с 1791 года определявшей одну из самых беспокойных колоний этой империи?

Когда началась российская колонизация — при оккупации этнически чуждой Казани или этнически близкого Новгорода? Где были русские колонии — в чудских землях, на Урале и в Сибири⁸, где шел классический процесс смешения мигрантов и туземцев, или в Малороссии, где все было наоборот, и население, близкое по языку, а часто и по религии⁹ жившим в метрополии великороссам, культивировало культурно-политические различия, которые были необходимы для осознания украинцами себя как самостоятельного этноса?

Сам статус колонии при определении отношений тех или иных владений России с центральной властью теряет определенность, требует уточнений и оговорок. «Классической», в европейском смысле, и в целом вполне «заморской»¹⁰ колонией России легко признать Аляску и Алеутские острова. Имперские чиновники контролировали эти земли не непосредственно, а через Российско-Американскую компанию, подобно тому, как управлялись колонии Британии, Голландии и т. п.¹¹ Но Аляска же стала единственной колонией, от которой империя добровольно, без принуждения освободила себя. Покоренными и зависимыми территориями были Польша, Финляндия, Лифляндия, Кавказ. Не стоит, однако, применять к ним представления об экономической эксплуатации и ограничении политических прав населения колоний в сравнении с населением метрополий, которые сформированы опытом Британской и других классических империй. В одних случаях права жителей российских окраин в самом деле были жестко ограничены, но в других случаях эти колонизированные, но не знавшие крепостной зависимости люди имели большую личную свободу, чем крестьяне внутренних областей России.

В классическом колониализме культурные различия между метрополией и колонией опирались на отчетливые, по мнению колонизаторов, расовые, этнические и лингвистические признаки. Колонизуя Индию или Конго, британцы или бельгийцы придавали этим признакам политическое значение и тем самым дистанцировались от тех, кого поработщали и эксплуатировали. Конструируемые различия между двумя участниками этого процесса, субъектами и объектами колонизации, гарантировали, что даже полный его успех не приведет к нежелательной путанице. Но в России культурная дистанция между метрополией и колонией не совпадала с этнической дистанцией между ними.

Географическая протяженность российского пространства и имперское стремление к централизации перевешивали всякие иные различия — этнические, лингвистические, религиозные, — перемешивая их в общем котле. При управлении множеством этносов империи приходилось вторично колонизировать уже собственный народ, постепенно формирующий новую идентичность. Именно отсутствие «очевидных» (а на деле тоже регулируемых культурой) различий, таких как раса, создавало необходимость формирования культурных маркеров, которые бы выстраивали необходимые социальные иерархии — логически непротиворечивые, недоступные подделке, удобные в обращении. Подобно стихийному структуралисту, загоняющему в бинарные схемы самый непригодный для этого материал, сама имперская культура накладывала искусственные классификации на хаотические, мозаичные континуу-

⁸Проблемы колонизации Сибири были глубоко освещены в серии важных работ Анатолия Ремнева [Ремнев 2004; Ремнев, Дамешек 2007; Ремнев 2010 и др.]. Мы опирались, среди прочего, и на его исследования, надеялись вступить с ним в творческий диалог и скорбим о его безвременной кончине.

⁹Мы не говорим о представителях грекокатолической церкви (униатах), которые на протяжении XVIII-XIX веков и при советской власти подвергались последовательным репрессиям.

¹⁰Хотя и отдаленной в месте самого близкого контакта относительно нешироким Беринговым проливом (86 км).

¹¹Подробнее см. в статье М. Ходарковского в этом номере журнала «Политическая концептология».

мы, такие как религиозные разногласия, сословные права и, наконец, географические пространства.

Поэтому политическая и административная экспансия, на которой была основана Российская империя, развивалась как сложный конгломерат теорий и практик, объединенных всего лишь одной общей чертой: управленческие и познавательные методы, которые были выработаны морскими империями в целях внешней, «заморской» колонизации, использовались в сходных и все же глубоко отличных целях внутренней колонизации¹².

Мы определяем внутреннюю колонизацию как применение практик колониального управления и знания внутри политических границ государства, и именно здесь мы сталкиваемся со своеобразием сухопутных империй. Поскольку их метрополии не были очерчены природными, морскими границами, они исторически менялись. Границы России расширялись и в доимперский, и в имперский периоды с такой скоростью, что само отличие «внешнего» от «внутреннего» было текучим и неопределенным. Оно никогда не определялось имперскими юристами, которые предпочитали отрицать само наличие колоний у России [Ремнев 2010; Сандерленд 2010]. Отношение центральной власти уравнивало и смешивало внешние колонии, такие как Кавказ, с внутренними, и прежде всего с землями и крестьянами, в XIX веке находившимися в удельном и государственном владении¹³; это порождало символические «сбои» в культурной репрезентации России для других стран¹⁴.

Вплоть до революции 1917 года, как показывает Жюльетт Кадио [Кадио 2010], в понятии «иностранцы» соединялись представления о сословии, религии и об этнической принадлежности в современном смысле слова; некоторые этносы в социально-административной номенклатуре Российской империи были в полном составе определены как особые *сословия*. Формы культурно-политического отношения к «иностранцам» в Российской империи были одновременно универсальными и локализованными. Так, вернейшим способом обращения с «дикими» народами считалось взятие заложников — и на Аляске века этих заложников российские администраторы называли аманатами, как и на Северном Кавказе в XIX веке или в Башкирии времен Пугачевского восстания, — при том что и слово, и соответствующая ему военная практика пришли на Русь во время Ордынского ига¹⁵. Но конкретные формы обращения с «туземной» культурой очень сильно варьировались. В некоторых случаях брался курс на максимально возможную ассимиляцию этносов, оказавшихся в ситуации внутренней колонизации. Так было в Поволжье с чувашами и мордвинами: вторые еще в XVI-XVII веках проникали в российские политические и религиозные элиты (мордвином был, например, патриарх Никон). Иногда имперские власти применяли военно-административное, основанное на силовых методах управление заведомо «не поддающимися» ассимиляции этносами (Северный Кавказ), которые могли быть подвергнуты репрессиям по этническому признаку. Такими репрессиями стало «выдавливание» северокавказских народов с занимаемых ими территорий во время и после окончания Кавказской войны [Бобровников 2007; Бобровников, Бабич 2007] и этнические чистки в эпоху сталинизма¹⁶. В XIX веке для управления такими территориями могли использоваться административные и политические принципы, аналогичные методам управления в колониях европейских держав [Бобровников 2010]. Бывало, впрочем, и

¹²См. об этом статью М. Майофис в этом номере журнала «Политическая концептология».

¹³См. об этом статью М. Ходарковского в этом номере журнала «Политическая концептология».

¹⁴См. об этом статью И. Шевеленко в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

¹⁵Вообще же тюркское слово «аманат» чрезвычайно многозначно и означает нечто доверенное человеку (например, на хранение), «завещание» или «завет».

¹⁶Полян 2001. О преемственности и различии методов имперской и советской властей в управлении Северным Кавказом см.: Бенвенути 2011.

так, что имперские власти на протяжении многих десятилетий не могли определить цели своей политики в отношении этносов, «доставшихся» им вместе с территорией: так получилось с народами Крайнего Севера — алеутами, чукчами и т. п., как это описал Юрий Слѣзкин [Слѣзкин 2008]

Местные и петербургские военные и административные власти пытались приспособиться к новым ситуациям, как они их понимали, налаживая отношения с местными сообществами разными способами [Долбилов 2010: 18]: от экономических предпочтений до геноцида, в результате которого исчезли многие народы Сибири и Кавказа; от абсорбции местных элит до апартеида, каковым был режим «еврейской оседлости»; от миссионерской деятельности в отношении «иноверцев», которыми были как «инородцы», так и этнически русские «раскольники и сектанты», до погромов, депортаций, обменов населением с соседними государствами и пр. Империя терпела неудачи в своих попытках интегрировать исламское население такой географически внутренней области, как Поволжье; субсидировать (через залоговые и другие механизмы) огромные помещичьи земли, не дававшие прибыли в условиях принудительного труда; или создать жизнеспособные институты, которые бы заменили помещичий контроль в русских деревнях после освобождения крепостных крестьян¹⁷. В ряде случаев «попытки ассимиляции [этнических] меньшинств угрожали необходимостью ввести такое определение русскости, которому не могли бы удовлетворить сами русские, или возвышением инородцев над самим русским населением» [Gerasi 2001: 347].

Внутренняя колонизация великорусских областей сопровождалась *искусственным производством культурных различий*, необходимых для того, чтобы дисциплинировать и эксплуатировать подчиненные группы населения. При этом белорусы и украинцы считались не инородцами, а «русскими»: в праве считаться отдельными народами власти им отказывали, языки их считались диалектами великорусского наречия. Националистически настроенная интеллигенция украинцев и белорусов десятилетиями боролась за признание своих групп самостоятельными этносами. В этом случае управление включало в себя такой парадоксальный элемент, как инверсия культурных и социальных различий: в официальном имперском дискурсе и особенно в литературных произведениях, написанных с имперской точки зрения, этнокультурные различия между восточнославянскими народами подвергались отрицанию или минимизировались, а сословные различия между сельскими, городскими и «благородными» людьми описывались как глубинные, близкие по своему характеру к расовым¹⁸.

2

В культурном, социальном и экономическом измерениях империя развивалась снаружи внутрь. «В России центр на периферии», — писал Ключевский [Ключевский 1990: 385]. Центры располагались на географической окраине, оттуда цивилизация распространялась не только за пределы империи, но и в срединные области страны: словесная диалектика, которая соответствовала реальной политике. Главным фронтом для имперской администрации то и дело оказывался тыл.

Российское государство колонизировало не только Польшу, Сибирь или Кавказ — оно осуществляло экспансию колониальных методов в собственных внутренних областях, где раздавало латифундии и подавляло восстания. Это повлекло неожиданные культурные последствия: едва сложившись как социальная группа, российские интеллектуалы тоже стали

¹⁷О крестьянской общине как институте внутренней колонизации см.: Etkind 2011: 137-148.

¹⁸Подробнее см. в статье М. Лекке в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

воспринимать эти, казалось бы, хорошо известные им пространства как экзотические и подлежащие изучению. В отличие от романтиков Западной Европы, русские романтики-интеллектуалы, собиравшие фольклор и открывавшие для себя деревенскую общину (речь идет и о славянофилах, и о западниках), воспринимали внегородское пространство не только как «забытое свое», но и как «чужое». Они находили во внутренних областях России странные секты и привозили в столичные коллекции уродов и раритеты. Туда направлялись народники и другие русские аналоги «паломников в страну Востока». Миссионерство, этнография и экзотические путешествия, характерные феномены колониализма, в России чаще всего были обращены внутрь собственного народа.

Этот народ был своим, он говорил на «нашем» языке и был источником «нашего» благополучия — и при этом все равно был экзотическим. Россия колонизовала саму себя, осваивала собственный народ. Этот процесс называли внутренней колонизацией, самоколонизацией, вторичной колонизацией собственной территории¹⁹.

Русские писатели, не стремившиеся стать теоретиками колонизации, тем не менее много писали о колониальных территориях и анализировали сознание как их покорителей, так и подчиненного населения — «субалтернов». Литературное освоение периферийных колоний России — Украины, Крыма, Новороссии, Кавказа, Сибири, Центральной Азии — стало предметом многих исследований [см., например: Ram 2003]. Только из хрестоматийных произведений литературы можно назвать южные поэмы Пушкина, его же «Путешествие в Арзрум», «Герой нашего времени» и «Валерик» Лермонтова, «Кавказский пленник» и «Хаджи-Мурат» Толстого, «Смерть Вазир-Мухтара» Тынянова, «Джан» и «Песчаная учительница» Платонова, «Уроки Армении» Битова...

Еще в 1830-е годы русская проза второго ряда (в первую очередь сочинения, публиковавшиеся в «Библиотеке для чтения») была очень богата ориенталистско-колониальными сюжетами — «кавказскими», «калмыцкими» и т. д., популярными сюжетами в ней были любовные отношения и брак между колонизатором-мужчиной и колониальной женщиной или, наоборот, колониальным мужчиной и дочерью колонизатора. Показательно, однако, что значительная часть ориенталистики оказалась «вытеснена» из русской литературы в процессе формирования литературного канона — или не была опознана в качестве ориенталистской литературы; так случилось с «Героем нашего времени». Канон формировали критики от Белинского до Страхова (или, если включить иностранцев, до Э.-М. де Вогио с его книгой «Русский роман»), а отношения между Западом и Востоком имели существенно меньшее значение для русской критики и публицистики, чем отношения между государством и народом. Более того, в силу самореференциальности внутренней колонизации оппозиция государства и народа эффективно замещала в русской культуре оппозицию Запада и Востока²⁰.

3

Самореференциальность внутренней колонизации придавала ей характерную непоследовательность, путаность, незавершенность, которую западные наблюдатели — вполне в духе ориентализма, описанного Э. Саидом, — объясняли национальными особенностями, культурой или характером. Самым проблематичным, однако, оказываются не эти мифические категории, но само различие между внешним и внутренним, — иными словами, понятие *гра-*

¹⁹Об истории и семантических тонкостях этих дефиниций см. подробное обсуждение в статье Д. Уффельманна в этом номере журнала «Политическая концептология».

²⁰См. в статье Г. Киришбаума в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

ницы. Конечно, нестабильность границ и всего, что с ними связано (например, гражданства), свойственна любым колониальным ситуациям. В одних случаях (этот метод более характерен для французской колонизации) границы «стирались» и территория подвергалась аннексии, так что права граждан метрополии в юридическом — но не в культурном — смысле распространялись и на колонии²¹. В других случаях между гражданами метрополии и колоний поддерживались юридические различия, которые неизменно становились предметом борьбы (Бельгия). В российском случае постепенное расширение территории формировало все новые различия между подданными, а власть в разные времена, как уже сказано, формировала разные стратегии для манипулирования этими различиями. Характерное нагнетание ориенталистских метафор для объяснения отношений между властью и обществом в России — не что иное, как риторические конструкции внутренней колонизации, для которых характерны сочетания дескрипции и прескрипции, уподобления по смежности и временной отсрочки.

Термин «отсрочка», взятый из философии Жака Деррида²², здесь мы понимаем как трудность или невозможность определения современниками тех практик, которые составляли внутреннюю колонизацию. Их рефлексия в публичном языке всегда словно бы откладывается в будущее. В отличие от практик внешней колонизации, которые становились предметом публичных дебатов, юридических упражнений и административных проектов, практики внутренней колонизации чаще оказывались предметом ретроспективного анализа в сочинениях мемуаристов, романистов и, наконец, историков. Однако метонимическая критика внутренней колонизации — через указание на иные практики в других странах или в самой России — постоянно присутствует в русской культуре.

Согласно классическим определениям, колонизация есть исторический процесс, а колониализм — ее идеологическое оформление и обоснование. Колониализм отличается от империализма. Колониализм «натурализует» процессы доминирования «метропольной» армии и «цивилизованных» поселенцев на колонизированной территории, а империализм — это апология господства, которое не требует массового переселения [Hobson 1902]. Теоретические определения колонизации не указывают, проходят или должны ли проходить миграции в пределах национальных границ или за их пределами, или же такие границы завоеванной территории на момент колонизации могут еще вовсе отсутствовать. Однако на практике и в интуитивно осознаваемом смысле слова колонизация, как правило, означает путешествие за границу. На этом фоне концепция внутренней колонизации ассоциируется с языковыми и регио-

²¹Разумеется, это эскизное описание, указывающее на общие тенденции, но намеренно игнорирующее детали. Тенденция французских властей административно уравнивать колониальные земли и метрополию родилась вместе с Великой французской революцией. В принятой 26 августа 1789 года Декларации прав человека и гражданина говорилось об отмене рабства в колониях и о запрещении работорговли; 4 февраля 1794 года якобинское правительство приняло декрет, подтверждавший уничтожение рабства в колониях. Конституция III года Республики (1793 год) провозгласила принцип политической ассимиляции колоний (ст. 6 и 7): «Колонии являются составными частями Республики и подчинены тем же конституционным законам. Они разделены на департаменты». Наполеон Бонапарт, однако, вновь ввел в колониях рабство и отменил его только в период Ста дней [Черкасов 1983]. Наполеон III во время посещения Алжира (незадолго до этого присоединенного к Франции) провозгласил; «Я — император арабов точно так же, как и француз» [цит. по: Черкасов 1983]. В целом можно сказать, что Франция гораздо чаще, чем Британия, практиковала в колониях прямое, а не косвенное управление. Влияние этой традиции прослеживается в политике Франции уже и в постколониальный период: в настоящее время сохранившиеся «заморские департаменты», разбросанные по всему миру, считаются частью территории Франции, избирают депутатов французского парламента и используют в качестве валюты евро.

²²Начиная с работы «La différance» («Различение») (1968) Ж. Деррида писал о том, что знак всегда существует во времени и несет в себе следы прошлых значений и предвещает будущих семантических сдвигов. В работе «La différance» Деррида характеризует этот процесс как «овременивание» («temporalisation») знака [Деррида 1999: 176]. Сам философ возводил этот термин к фрейдовскому немецкому неологизму «Denkaufschub» — «мыслительная отсрочка» [Деррида 2000].

нальными параметрами господства внутри национальных границ, фактических или воображаемых.

Применительно к России термин «внутренняя колонизация» был впервые употреблен Августом фон Гакстгаузенем — прусским консервативным публицистом и политическим деятелем, автором нескольких семантических конструкций, оказавших влияние на последующее развитие русской исторической мысли²³. Ведущие российские историки XIX века — Сергей Соловьев, Афанасий Щапов и Василий Ключевский — много и охотно писали о российской колонизации и самоколонизации. Применительно к допетровским временам Сергей Соловьев ввел ключевую для этой темы формулу: «...древняя русская история есть история страны, которая колонизируется» [Соловьев 1993: 3: 723; Bassin 1993]. Повторив ее в начале XX века, Ключевский перенес ее из средневековой истории в новую и новейшую. Он специально оговаривал, что, например, переселение крестьян по Транссибирской железной дороге есть продолжение того же процесса колонизации, который начался в Средние века за Дунаем [Ключевский 1987].

Из его учеников эту тему продолжил Матвей Любавский, бывший до 1917 года ректором Московского Императорского Университета. Сосланный по «делу Платонова-Тарле» в Башкирию, Любавский писал там, в одной из прежде колонизированных Россией земель, фундаментальный труд по истории российской колонизации вплоть до своей смерти в 1936 году — его книга была издана только 60 лет спустя [Любавский 1996].

Во второй половине XIX столетия прусские, а потом и германские политики начали амбициозную программу внутренней колонизации в Восточной Европе, которая востребовала разные виды знания, фальшивого и реального [Sering 1893; Tonnies 2000; Лор 2010]. Под влиянием германских историков Владимир Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России» (1896-1899) активно использовал понятие внутренней колонизации применительно к самым разным областям империи — от Сибири и Кавказа до его родного Поволжья [Ленин 1967б: 560-566, 592-596]; за работами одного из исследователей внутренней колонизации Пруссии М. Зеринга Ленин следил достаточно внимательно — и полемицировал с его «теорией убывающего плодородия почв»²⁴.

После революции в России и с началом процесса деколонизации стран третьего мира понятие внутренней колонизации на некоторое время вышло из моды. В 1951 году, однако, Ханна Арендт ввела понятие «эффекта бумеранга», с помощью которого имперские державы переносили свои практики принуждения из своих колоний обратно в метрополии [Arendt 1994: 155 и др.]. За год до этого, в 1950-м, Эме Сезер [Cesaire 2000: 36] сформулировал подобную концепцию — «обратный удар империализма»: подобно Арендт, он видел в Холокосте применение колониального насилия к одному из европейских народов²⁵.

В начале 1960-х мексиканский социолог и общественный деятель Пабло Гонсалес Казанова — по-видимому, с учетом новейшего на тот момент исторического опыта распада колониальных империй — обратился к понятию внутренней колонизации для объяснения отношений между испано-американцами и индейцами в истории Мексики. По мнению Казановы, после того как эта страна в 1821 году провозгласила независимость, индейцы под властью креолов и метисов оказались в еще более бесправном положении, чем во времена правления

²³См.: Naxthausen 1847, II: 332-334; о нем см.: Dennison, Karus 2003. О разграничении внутренней колонизации и «самоориентализации» и их причинно-следственных соотношениях подробнее см. в статье Д. Уффельманна в этом номере журнала «Политическая концептология».

²⁴В особенности — в статьях цикла «Капитализм в сельском хозяйстве» (1899) [Ленин 1967в: 125, 129]. Впервые Ленин употребляет термин «внутренняя колонизация» в статье 1897 года «К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты» [Ленин 1967а: 220, 223].

²⁵Подробное сопоставление концепций Арендт и Сезера см.: Rothberg 2009; сопоставление концепций «колониального бумеранга» и «внутренней колонизации» см.: Etkind 2011: 23-26.

испанской короны [Casanova 1963, 1965]. В дальнейшем другие латиноамериканские социологи описали подобным же образом историю других стран этого региона [Stavenhagen 1965; Cotier 1967/1968].

После 1968 года социологи переизобрели понятие внутренней колонизации с целью применения постколониального языка к внутренним проблемам метрополии. Американский социолог Роберт Блаунер [Blauener 1969] смотрел на аспекты внутренней ситуации афроамериканцев, такие как жизнь гетто и городские бунты, как на процессы внутренней колонизации, и эта концепция получила дальнейшее распространение [Harris 1972 и др.]²⁶. Сегодня исследования американского общества с постколониальной точки зрения — активно развивающееся научное направление. В своих лекциях 1975-1976 годов французский философ Мишель Фуко использовал ту же концепцию в более широком смысле применения колониальной модели власти в Западной Европе [Фуко 2005: 116].

Интерес к внутренней колонизации усилился после книги американского исторического социолога Майкла Хечтера [Hechter 1975] о «ядре» и «периферии» Британских островов. Пересматривая классическую концепцию колонизации, Хечтер нейтрализовал географическое расстояние между колонизаторами и колонизованными, которая ранее воспринималась как определяющая особенность британского колониализма. Решающими для его исследования были этнокультурные различия между метрополией и колонией — например, между англичанами и валлийцами²⁷. Следующим шагом после Хечтера стала деконструкция этнических различий — выявление внутреннего колониализма внутри мозаичного полиэтничного поля, которое структурировано властью. В этом — «неэтническом» — значении понятие внутренней колонизации/колониализма было использовано историком Юджином Вебером [Weber 1976], социологом Элвином У. Голднером [Gouldner 1977/1978], антропологом Джеймсом Скоттом [Scott 1998], литературоведом Марком Нетцловом [Netzloff 2003] и некоторыми медиевистами [Fernandez-Armesto, Muldoon 2008]. В своей книге о французской культуре середины XX века историк Криспин Росс, возобновляя дискуссию о «бумеранге», показывает, как Франция обратилась к «форме внутреннего колониализма» в тот период, когда «рациональные административные методы, разработанные в колониях, были доставлены домой» [Ross 1995: 7]. К методологической рефлексии понятия внутренней колонизации обратился Джон Чавес [Chavez 2011], аргументирующий его продуктивность в сегодняшней интеллектуальной ситуации.

Аналитики обсуждали идею внутренней колонизации, как правило, со смешанными чувствами [Hind 1984; Liu 2000; Calvert 2001]. Процессы внутренней колонизации изучались на примере Китая, Израиля и некоторых других стран, где представители доминирующей культуры переселенцев по тем или иным причинам вступали в конфликт с «местными» [Gladney 1998; Perez 1999; Mackenthun 2000; Singh, Schmidt 2000; Krupat 2000].

На материале российской истории такие исследования только начинаются, однако именно для России они особенно важны. Постколониальные исследователи в работах общего характера обычно игнорируют историю России [о возможных причинах этого пробела см.: Эткин 2011]. При изучении русской литературы и истории, однако, понятие внутренней колонизации обсуждалось рядом авторов [Гройс 1993; Эткин 1998, 2002; Etkind 2007 и др.; Кагарлицкий 2009; Viola 1998; Condee 2009; ср. о самоколонизации: Kujundzic 2000]. Видные

²⁶ Впрочем, уже за несколько лет до этого афроамериканские активисты Харолд Крузе, Стокли Кармайкл и Чарльз В. Хамилтон [Carmichael, Hamilton 1967; Cruse 1968] описывали положение темнокожего населения США в терминах «домашнего колониализма» (Крузе) или «колониальной аналогии» (Кармайкл и Хамилтон).

²⁷ Приблизительно тогда же Харолд Волпи — живший в эмиграции в Британии южноафриканский экономист, член Коммунистической партии Южной Африки — опубликовал две работы о «внутренне-колониальном» характере режима апартеида [обобщающая: Wolpe 1975].

историки упоминали о том, что внутренняя политика Российской империи имела колониальный характер, но не конкретизировали этот тезис [Braudel 1967:62; Rogger 1993; Lieven 2003: 257; Snyder 2010: 391].

В 2001 году Дэвид Чайони Мур сформулировал вопрос о применимости категорий постколониальных исследований к постсоветскому контексту [Moore 2001]. Исследователи из стран Восточной Европы [например, Kelertas 2006: 3-4], откликнувшись на этот вопрос, расширили обсуждаемый в статье Мура временной промежуток включив в него и более ранний период. В ракурсе постколониальных исследований обсуждались факты и обстоятельства имперского правления в Восточной Европе, включая как царскую Россию, так и Пруссию, Габсбургскую и Османскую империи, а также Польшу и Литву, которая в некоторые периоды рассматривается как имперское пространство [Nowak 2004, 2011; Koyama 2007].

Категории постколониальных исследований для описания восточноевропейских феноменов с начала 1990-х годов все более активно используются в украинистике [Pavlyshyn 1992, 1993; Shkandrij 2001; Velychenko 2002; Simonek 2003; Chernetsky 2007; Korek 2007; Жеребкин 2007; Kratochvil 2010; Рябчук 2011 и др.²⁸], а с конца того же десятилетия — в исследованиях других постсоветских и постсоциалистических государств [примеры: Vatanabadi 1996; Горшенина 2007; Gorshenina, Abashin 2009; Абашин 2011 и др.; см. также обзор: Sproede, Lecke 2011]. В 2000-е годы можно наблюдать примеры националистического — или, во всяком случае, культурно-эссенциалистского — толкования постколониальных подходов [Best 2007]. Иногда российская государственность трактуется как неизбежно империалистическая, всегда подавляющая культуры других народов и не имеющая иной перспективы [Thompson 2000 и особенно 2005]. Российские радикальные националисты сегодня тоже используют постколониальную риторику [см., например: Крылов 2006], часто — хотя и не обязательно — интерпретируя империалистический дискурс как антиколониальную защиту «угнетаемого русского народа»²⁹.

В 2000-е годы исследование внутренней колонизации как типологического явления и внутренней колонизации России как «модельного» сюжета становится самостоятельным проблемным полем, в котором работают авторы, придерживающиеся разных методологий. Оно формируется на скрещении постимперских и постколониальных исследований и, соответственно, соединяет в себе историко-социологический (идуший от «постимперского» направления) и историко-культурный и историко-антропологический подходы (идущие от «постколониального» направления). Исследование внутренней колонизации позволяет вписать историю России и бывшего «второго мира» в масштабный пересмотр исторических парадигм, который начался в науке последних десятилетий.

4

Примечательно, что и универсалистские опыты применения категорий постколониализма к Восточной Европе и Евразии, и культурно-националистическая версия этого подхода натолкнулись в международной академической среде на протест и отторжение, вызванные разными причинами. Самыми вескими здесь можно считать сомнения историков, которые другим категориям постколониализма предпочитают термин «империя» [Ауст, Вульпиус,

²⁸Во второй половине 2000-х и в начале 2010-х крайности постколониального подхода в украинской историографии стали предметом методологически тонкой критики в работах Андрия Портнова [см., например: Портнов 2012].

²⁹Об этой форме инверсии империализма подробно пишет Н. Конди в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Миллер 2010; о современных методологических дискуссиях см. также: Абашин 2011], а для описания таких феноменов, как внутренняя колонизация России, предлагают использовать другие понятия — например, «внутренняя периферия» [ср.: Nolte 1991]. Однако мы полагаем, что применение постколониальных методов может оказаться продуктивным при изучении культурных стратегий, которые вырабатываются имперским руководством, контрэлитами колонизированных народов и культурными элитами империи. Эти стратегии сложными и разнообразными путями взаимодействовали и переплетались в культурной жизни империй и их внутренних колоний — например, на значительной части территорий Российской империи (а также СССР и постсоветской России) и Австро-Венгрии [ср.: Feichtinger, Prutsch, Csaky 2003].

Проверяя на материале российской истории постколониальные идеи, предложенные Эдвардом В. Саидом, Хоми Бхабхой, Генри Луисом Гейтсом или Гайатри Спивак, мы сосредотачиваем внимание прежде всего на описанных ими колониальных и постколониальных формах коммуникации между людьми, общественными группами и политическими акторами и на культурном значении этих форм. Кроме того, для нас важны предложенные этими авторами методы исследования, потребовавшие новой терминологии. В различных контекстах рассмотрения внутренней колонизации России авторы собранных в этом сборнике статей используют такие понятия, как «мимикрия» (*mimicry*), «гибридность» (*hybridity*; в случае внутренней колонизации наслоение «своего» и «чужого» становится особенно парадоксальным), «перформативность культурных оппозиций», «субальтерность» (*subalternity*), «дееспособность» (*agency*).

Следует оговорить, что наш подход метафоричен, что неизбежно в культурной истории. Вопрос для нас состоит не в том, верна ли модель внутренней колонизации, а в том, может ли эта метафора принести эвристическую «добавленную стоимость» [см.: Liu 2000: 1361]. На наш взгляд, она наиболее продуктивна при интерпретации культурной и социальной истории империи, так как колонизация основана на «сверхэкономическом» производстве культурных различий — производстве, которое порождает не только экономические, но прежде всего культурные и антропологические последствия.

Критики нашего подхода уже отмечали, что любые проявления российско-имперского нарциссизма неприемлемы, поскольку заставляют забыть о жертвах российского внешнего колониализма [Chernetsky 2007; Гундорова 2011]. Мы стремились к тому, чтобы в рисуемой нами картине имперского прошлого нашлось бы место для жертв и для агентов колониализма и внешнего, и внутреннего. История — не игра с нулевой суммой, и внимание к внутренней колонизации (к примеру, крепостных крестьян) совсем не означает отсутствие внимания к внешней колонизации (к примеру, поляков). Собранные в нашем сборнике³⁰ статьи ни в коем случае не оспаривают факт одновременности и координации процессов внешней и внутренней колонизации, а, наоборот, высвечивают соотнесенность внутренней и внешней колонизации и взаимные переходы этих двух практик в истории Российской империи и сопредельных стран.

5

В теориях, анализирующих опыт «классических» европейских империй, внутренняя колонизация обычно рассматривается как феномен вторичный или второстепенный по сравнению с внешней, «заморской». Однако, например, колонизация Уэльса и Ирландии, которую анализировал Хечтер, началась раньше, чем «золотой век» британского колониализма: напо-

³⁰Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткина, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 960 с.

мним, что в качестве нижней временной границы исследования Хечтера взят 1536 год. Причина такого «ухода в тень» внутренней колонизации состоит в том, что она часто рассматривается как составная часть процессов становления современных наций. В самом деле, в ряде случаев — хотя, конечно, ирландский к ним не относится — внутренняя колонизация направлена на уменьшение внутренних культурных различий и на растождествление культурных и социальных границ. В результате этого «стирания» все большее число социальных групп начинает отождествлять себя с «воображаемым сообществом», которое изначально имеет смысл только для культурных и политических элит. Образцом исследования подобного рода процессов является известная книга Юджина Вебера «Из крестьян — во французов» [Weber 1976]. Собственно, и историки национализма от Бенедикта Андерсона до Лии Гринфилд описывают становление понятия «нация» как распространение этого термина с элит на всех, кто говорит на определенном языке и/или населяет определенную территорию [Anderson 1991: 37-46; Greenfield 1992: 215-222, 247-250].

В континентальных империях было не совсем так: имперские администрации, пусть и не всегда последовательно, поддерживали культурные различия, позволявшие им управлять пестрыми по этническому составу территориями. В России было совсем не так: одной из важнейших административных практик в ее истории стало взаимное обращение социальных и культурных различий, определение этносов по аналогии с сословиями и придание сословиям черт субэтносов. С этой практикой была тесно связана внутренняя колонизация, при которой власти принципиально не желали делать различий между разными типами колоний: исторически недавно присоединенные области описывались как «исконные», а на территориях, входящих в историческое ядро России, то и дело находились экзотические, таинственные социальные группы: старообрядцы, скопцы или просто лесковские «антики» или крестьяне-«головотяпы» из «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина. Не выносившие друг друга в жизни, Лесков и Салтыков-Щедрин сделали в своей прозе одно и то же открытие: они показали крестьян как носителей не инфантильной, а скорее альтернативной логики, не подчиняющейся «городским» правилам. Впоследствии действие подобной «запредельной» — но по-своему крайне последовательной — логики сделал предметом художественного осмысления Андрей Платонов.

Самым ярким примером неразграничения внешнего и внутреннего, «исконного» и экзотического в истории России является история управления Украиной и ее восприятия в культуре. Начиная с конца XVII века московские, а затем и петербургские власти взяли на вооружение идеологию, разработанную в «Синописе...» архимандрита Иннокентия (Гизеля)³¹, — о единстве русского и украинского народов. К концу XVIII века были ликвидированы почти все следы былой автономии Гетманщины. «И в геополитическом, и во внутривосточном отношении Малороссийское генерал-губернаторство все больше превращалось из оспариваемой окраины между Речью Посполитой, Османской империей и Россией во внутреннюю часть Российской империи, во многих отношениях даже в часть имперского ядра, откуда черпались материальные и людские ресурсы для освоения новых территорий и управления всей империей» [Миллер 2007: 59]. При этом еще в XIX и даже в начале XX века Украина предстает в художественной литературе как страна экзотическая, принципиально отлича-

³¹До начала XIX века «Синопис...» использовался в России как школьный учебник по истории; именно из этого сочинения, во многом опиравшегося на работы польского историка М. Стрыйковского, черпались такие легендарные сведения о ранних правителях России, как, например, смерть «вещего» Олега «от коня своего». Архимандрит Иннокентий был предположительным сочинителем или редактором «Синописиса...», однако некоторые историки сомневались в его авторстве [Лаппо-Данилевский 1920: 23; Пештич 1958: 285] и называли других возможных авторов — например, печатавшего эту книгу Ивана Армашенко [Формозов 2005]: его имя зашифровано в акrostихе, которым оканчивается издание 1680 года.

ющаяся от «центральной» России, населенная удивительными существами: казаками, ведьмами (от гоголевской Панночки до купринской Олеси), русалками... На политическом уровне шла гомогенизация империи, на культурном — экзотизация Украины и представление ее как пространства, где предки жителей Москвы и Петербурга исповедовали древние, ныне забытые, но таинственные и жутковатые языческие обряды³². Украина не только в русской, но во многом даже и в украинской культуре [вплоть до современности — см., например: Гнатюк 2005] стала локусом смешения и затрудненного различения «своего» и «чужого» и, таким образом, сохранила свой «пограничный» статус, которого она после ликвидации автономии Гетманщины не имела политически³³.

Именно важность «случая Украины» дает нам основания придать отношениям русской и украинской культур значение модели, на примере которой взаимопереход представлений о внешней и внутренней колонизации в культуре империи виден особенно ясно³⁴.

6

По-видимому, еще в XVI-XVII веках начинает складываться важнейшая особенность российского государственного дискурса, обусловленная российскими практиками управления. Московское царство и особенно Российская империя репрезентируются как государство русское и одновременно — всеобщее, универсальное. Монархическая власть выражала себя как национальная и наднациональная сразу, как завоевавшая Россию извне и в то же время неотделимая от ее народа и его культуры³⁵. Эта стратегия отличает Россию от других континентальных империй, в которых власть позиционировала себя как в первую очередь наднациональная (Габсбурги) или как этнически и религиозно определенная (Византия; Османская империя, несмотря на размывание этнической определенности правящих элит, происходившее благодаря рекрутированию янычар из различных покоренных народов³⁶).

Представление имперских властей о том, каким должно быть совмещение национального и наднационального, само неоднократно менялось в ходе эволюции русской монархии; об этом свидетельствуют официальные политические программы отдельных царствований [Уортман 2004] и собственно управленческие практики [Долбилов 2010]. Схематизируя, можно говорить о том, что в XVIII веке в этих представлениях доминировало «имперское», а в XIX-м, начиная с разработки доктрины «официальной народности» С.С. Уварова (начало 1830-х годов), — «национальное» начало. И все же характерны трудности, с которыми столкнулся Уваров, который стремился увязать способность быть русским с *лояльностью императору*: как показал А.Л. Зорин, Уваров в своей программе фактически определил «народность» через православие и самодержавие [Зорин 2001]. Таким образом, порожденные внутренней колонизацией представления о том, кем и как управляет имперская власть, оказали

³²Только в описаниях центра Украины, Киева, значимым компонентом оказывалось его представление как «обычного» имперского провинциального города [Булкина 2004: 98].

³³О двойственном, «амфибийном» самосознании украинских элит конца XVIII века см., например: Гундорова 2006.

³⁴В сборнике «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей» / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012 помещены сразу несколько статей, осмысляющих этот взаимопереход именно на украинском и «казацьем» материале: это работы Г. Киришбаума, М. Рябчука, В. Киселева и Т. Васильевой.

³⁵Примеры см.: Уортман 2004 и в статье Ш. Родевальда в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

³⁶Впрочем, не будем забывать, что последствия этого размывания были отчасти смягчены тем, что все янычары были обязаны исповедовать особую разновидность ислама — бекташизм.

существенное влияние на становление и развитие национализма в России — и не только национализма нерусских этносов, но и собственно русского.

Отмена крепостного права в 1861 году была актом деколонизации. Тем не менее внутренняя колонизация и после нее осталась фундаментальной составляющей российской имперской практики, хотя и сменила форму и типы репрезентации. Р. Уортман показал, как в разговорах и переписке с великим князем Александром Александровичем, будущим царем Александром III, Константин Победоносцев создал парадоксальную риторическую конструкцию: русские, как народ, склонный к лени и лжи, нуждаются в «сильной руке», в управлении жесткого, сурового государя — и в то же время абсолютистская власть может совершать чудеса, если действует в единстве с народом [Уортман 2004, II: 261]. Репрезентация монарха как завоевателя в «сценарии» царствования Александра III изменилась: теперь это покорение страны представлялось как дело, осуществляемое самими же русскими — точнее, армией, приобретшей подчеркнуто русский облик [Там же: 274]; в «инородческих» же областях империи резко усилилась русификаторская политика [Там же: 327]. Риторическое совмещение и противопоставление власти как «своего-чужого» для империи сменились в этом случае демонстрацией «принадлежности-непринадлежности» власти к обществу, понимаемому этнически.

7

Практики внутренней колонизации и их культурное представление изменились во второй половине XIX века под влиянием сразу нескольких общественных тенденций, прежде всего национализма современного типа — демократического, антиаристократического. Своеобразной формой такого национализма можно считать народничество, которое парадоксально объединяло колонизационные и антиколонизационные принципы: стремление просветить крестьян интерпретировалось многими народниками как «цивилизаторская миссия», но крестьянский «народ» в его исторически сложившихся социальных и культурных формах оставался для них высшей ценностью; Бакунин сформулировал этот антиколонизационный тезис в своем знаменитом лозунге: «Не учить народ, а учиться у народа»³⁷. Вслед за русской этнографией, движением, оказавшим существенное влияние на представления о внутренней колонизации, возникли эстетический модернизм и его составная часть, примитивизм. Европейский модернизм широко использовал эстетизированные образы наивного или архаического искусства. В России такое восприятие традиционного общества привело к оценке крестьянской культуры как экзотической и заслуживающей эстетизации, что способствовало разви-

³⁷Бакунин повторял этот лозунг во многих работах. См., например, характерный пассаж: «Вопрос о нашем сближении с народом, не для народа, а для нас, для всей нашей деятельности, есть вопрос о жизни и смерти. Сближение это необходимо, но оно трудно, потому что требует с нашей стороны совершенного перерождения, не только внешнего, но и внутреннего. Борода, русское платье, жесткие руки, грубая речь не составляют еще русского человека. Нужно, чтоб ум наш выучился понимать ум народа, и чтоб наши сердца приучились бить в один такт с его великим, но для нас еще темным сердцем. Мы должны видеть в нем не средство, а цель; не смотреть на него как на материал революции по нашим идеям, как на „мясо освобождения“, напротив смотреть на себя, *если он на то согласится*, как на слуг своего дела. Одним словом, мы должны полюбить его пуще себя, дабы он вас полюбил, дабы он нам свое дело поверил.

Любить страстно, отдаваться всею душою, побеждать громадные трудности и препятствия, силою любви и жертвы победить ожесточенное сердце народное — дело молодости. Вот где ее назначение! Учиться она должна у народа, а не учить. Не себя, а его возвышать и вся отдать его делу. Ну, тогда народ признает ее» [Бакунин 1920].

Как пишет Лори Манчестер в статье, помещенной в этом сборнике, своеобразие логики народников можно уточнить, если сопоставить их просветительскую и этнографическую деятельность с работой европейских христианских социалистов XIX века среди бедняков.

тию множества художественных явлений, от абрамцевской школы до неонародничества символистов и позднее, а позднее — от увлечения коми шаманизмом Василия Кандинского до книжной графики Ивана Билибина. Художественным образам внутренней колонизации в русской культуре посвящен ряд статей нашего сборника³⁸.

В советских и постсоветских изводах внутренняя колонизация приобрела заостренно политический характер. Советская версия внутренней колонизации была основана на двух важнейших социально-политических инновациях, которые не предусматривались марксизмом, но начали быстро складываться сразу после революции. Первая из них — огромное значение, которое получили при новом режиме мобилизационные и репрессивно-силовые методы решения экономических и политических проблем: продразверстка, военное подавление крестьянских восстаний, коллективизация. Однако наиболее страшным примером таких практик стала эксплуатация заключенных ГУЛАГа, которая может быть описана как экстремальная форма внутренней колонизации³⁹.

Вторая инновация, о которой мы говорим, — это совокупность пропагандистских и управленческих стратегий, которая позволила историку Терри Мартину в своей книге определить СССР как «империю „положительной деятельности“»⁴⁰. Советское государство провозглашало себя главным эмансипатором «малых» народов империи и всего мира, хотя чем дальше, тем больше подавляло любые сколь-либо «самодеятельные» национальные движения на своей территории. В риторике большевистских руководителей был очень силен антиколониаторский пафос, а в их практических действиях 1920-х годов важное место занимала позитивная дискриминация в пользу прежде «угнетавшихся» народов. Тем самым политические элиты СССР централизовали любую антиколониальную деятельность, постепенно отняв право и возможность ее вести у руководства национальных движений и вновь созданных автономий.

Сходным образом было организовано советское «освобождение» крестьян: большевистская власть начала свою работу с издания ленинского Декрета о земле⁴¹, за которым очень быстро последовало введение продразверстки и жестокое подавление многочисленных крестьянских бунтов [Кондрашин 2009], а в конце 1920-х — насильственная коллективизация сельского хозяйства, обернувшаяся катастрофическим голодом в Украине, Казахстане и южных областях Европейской России и вооруженными восстаниями на Северном Кавказе. Еще один пример подобной практики — советское «освобождение женщин», которое принесло новую, завуалированную форму их эксплуатации — почти обязательную занятость, при которой домашнее хозяйство и воспитание детей оставались по-прежнему специфически «женскими» сферами деятельности, а возможность нанять домработницу была только у семей партийной номенклатуры (несмотря на партмаксимум) и приближенных к ней технических, культурных и научных элит. Советское руководство продолжило внутреннюю колонизацию под антиколониальными лозунгами⁴².

³⁸М. Лекке, Ш. Родевальда и И. Шевеленко.

³⁹В сборнике «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей» / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012 помещена статья Д. Хили, посвященная интерпретации ГУЛАГа как внутренней колонизации СССР.

⁴⁰Мартин 2011; точнее было бы, конечно, перевести «affirmative action empire» [Martin 2001] как «империя „положительной дискриминации“».

⁴¹Меньше чем через полгода этот декрет, фактически повторявший аграрную программу партии эсеров, был заменен более жестким по духу декретом ВЦИК от 19 февраля 1918 года за подписью В. Ульянова (Ленина) и Я. Свердлова «О социализации земли», который, в отличие от Декрета о земле, уже не содержал ссылок на будущее разрешение вопроса о земле Учредительным собранием.

⁴²Анализ этого процесса на материале «мобилизации трудящихся в литературу» предложен в сборнике «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей» / Под ред. А. Эткинда,

Постсоветский период в истории России в значительной степени может быть описан как постколониальный по отношению к практикам внутренней колонизации. Власть так или иначе стремилась предложить или навязать гражданам подобие договора, предполагавшего участие региональных «субалтернов» в политическом процессе, но уже с середины девяностых годов постепенно устранившего граждан из политики в обмен на «стабильность» и реформы, со временем все больше откладываясь на будущее. Российские крестьяне оказались вытеснены на периферию и экономической жизни, и общественного сознания [подробнее о ситуации в постсоветской деревне см.: O'Brien, Wegren 2002; Allina-Pisano 2008].

Более того, в политической риторике и в содержании российских медиа, как много раз отмечали аналитики, в 1990-е и особенно в 2000-е годы усилились неоимперские тенденции. Форму собственно внутренней колонизации они приняли преимущественно в отношениях с Северным Кавказом⁴³, однако обращение центральной власти с другими регионами России тоже несет в себе скрытые, но узнаваемые черты привычной административной практики: «ползучее» подавление федеративной системы [Захаров 2008], отказ от выборности губернаторов, восприятие населения как аудитории телевизионной пропаганды и политтехнологического воздействия. Еще более очевидны «неоколониальные» черты в современном отношении центральных властей к Сибири. Когда эта книга была уже подготовлена к печати, российская пресса сообщила о разработке под эгидой двух российских министерств законопроекта о новой госкорпорации, которой предполагается передать управление экономикой Сибири. Задачей новой корпорации, по мнению наблюдателей, станет не развитие социальной инфраструктуры региона, а только его экономическая эксплуатация, вполне колониальная по своему типу [Ефимов 2012]. «Новая госструктура со штаб-квартирой во Владивостоке получит беспрецедентно комфортные условия работы. Разработчики законопроекта подчеркивают, что для нее и ее проектов <...> существенно упрощаются процедуры, регулирующие градостроительную деятельность и земельные отношения. <...> по решению правительства госкомпания может получить „без проведения предусмотренных действующим законодательством конкурсных процедур права пользования недрами и лесными ресурсами...“» [Мельников, Гудков, Панченко 2012]. (Впрочем, проект резко раскритиковали экономисты, и в их числе — министр финансов России Антон Силуанов, который фактически признал предполагаемую госкорпорацию вредной для развития экономики страны [Росбалт 2012].)

Такое возвращение к политике внутренней колонизации приводит к маргинализации провинции и даже к активизации сепаратистских настроений (например, в Сибири именно в начале 2010-х стали более активными организации, выступающие за отделение региона от

Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012 в статье И. Калинина, а на материале «освобождения женщин Востока» — в статье Ю. Градсковой.

Кажется, едва ли не первым общую внутренне-колониационную логику «положительной активности» описал в одной из поздних статей Л.Д. Троцкий «Кремлевская бюрократия говорит советской женщине: так как у нас — социализм, то ты должна чувствовать себя счастливой и отказаться от абортов (под угрозой наказания). Украинцу он (sic!) говорит, так как социалистическая революция разрешила национальный вопрос, то ты обязан чувствовать себя счастливым в СССР и отказаться от мысли об отделении (под страхом расстрела)» [«Независимость Украины и сектантская путаница», 30 июля 1939 года] [Trotsky 1949. цит. по русскому оригиналу, опубликованному в Интернете: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm477.htm> (18.12.2011)].

⁴³С той оговоркой, что, как не раз отмечали политологи, патронатно-клиентские отношения центральных и северокавказских элит, предполагающие готовность «Москвы» в обмен на лояльность своих клиентов предоставлять им практически безраздельную власть на «вверенных» территориях, неожиданно напоминают очень архаические формы административной зависимости, сложившиеся задолго до формирования классических колониальных империй, прежде всего феодальный вассалитет и систему личной унии.

остальной России — как националистические, так и либеральные [Герасименко 2012]). Немудрено, что в культуре, производимой в «столицах», нарастает обратная тенденция — восприятие провинциальной России как пугающего и в то же время притягательного, существующего по иррациональным законам пространства, своего рода инсценированного, «разыгранного по ролям» общественного невроза⁴⁴.

По-другому постколониальное состояние представлено в сознании граждан других постсоветских государств — в частности, тех носителей русской культуры, которые считают себя наследниками «внутренних колонизаторов», соглашаясь с этим наследием или отторгая его. В сочетании с эмансипационными, иногда универсалистскими, иногда фундаменталистскими, иногда националистическими настроениями населения бывших «союзных республик» это приводит к завязыванию сложных полемик об имперском наследии⁴⁵. Наш сборник показывает меняющееся влияние внутренней колонизации на культурное самосознание и политическое поведение разнообразных общественных групп, взаимодействие которых составило историю Российской империи, Советского Союза и постсоветского пространства.

Абашин С. 2011. Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа/практики. — *Ab Imperio*. — №. 3. — С. 193-210.

Ауст М., Вульпиус Р., Миллер А. 2010. Предисловие. Роль трансферов в формировании образа и функционировании Российской империи (1700-1917). — *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи* / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус. А. Миллера. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 5-13.

Бакунин М.А. 1920. Народное дело. — Бакунин М.А. *Избранные произведения*: В 5 т. Т. 3. — Пб.-М.: Голос труда.

Белый А. 1981. *Петербург. Роман в восьми главах с прологом и эпилогом* / Издание подготовил Л.К. Долгополов. — М.: Наука.

Бенвенути Ф. 2011. Россия, Запад и Чечня. — *Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX середина XX в.)* / Под ред. П. Поляна. — М.: РОССПЭН. — С. 15-20.

Бобровников В.О. 2007. Последние волнения и политическая ссылка. — *Северный Кавказ в составе Российской империи* / Под ред. В. Бобровникова и И. Бабич. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 136-154.

Бобровников И.О. 2010. Русский Кавказ и Французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? — *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи* / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 182-209.

Бобровников В.О., Бабич И.Л. 2007. Мухаджирство и русская колонизация. — *Северный Кавказ в составе Российской империи* / Под ред. В. Бобровникова и И. Бабич. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 155-183.

Булкина И. 2004. Киевский текст в русском романтизме: проблемы типологии. — *Лотмановский сборник. Вып. 3* / Под ред. Т.Н. Киселевой, Р.Г. Лейбова, Т.Н. Фрайман. — М.: ОГИ. — С. 93-104.

⁴⁴Эта тенденция исследована в статье Н. Конди, помещенной в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

⁴⁵Одна из таких полемик — локальная, но очень богатая культурными смыслами — исследована в статье К.М.Ф. Платта в данном номере журнала «Политическая концептология».

- Герасименко О. 2012. «Как колонией была, так и останется». — *Коммерсантъ-Власть*. 16 апреля. — Доступно: <http://www.kommersant.ru/doc/1907724> — Проверено: 12.05.2012.
- Гессен В.М. 1909. *Подданство, его установление и прекращение*: Т. 1. — СПб.: Тип. «Правда».
- Гнатюк О. 2005. *Прощания з імперією: Українські дискусії про ідентичність* / Перекл. з польск. А Бондара та ин. Київ: — Критика, 2005.
- Горшенина С. 2007. Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или Войдет ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований? — *Ab Imperio*. — № 2. — С. 209-258.
- Гройс Б.Е. 1993. *Утопия и обмен*. — М.: Знак.
- Гундорова Т. 2006. «Котляревщина»: колониальний кітч. — Гундорова Т. *Кітч і література. Травестії*. — Київ: Факт. — С. 92-122.
- Гундорова Т. 2011. «Внутрішня колонізація — повторна колонізація. — *Критика*. — № 9-10. — С. 23-26.
- Деррида Ж. 1999. Различение / Пер. с фр. Н.В. Сулова. — Деррида Ж. *Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля*. — СПб.: Алетейя. — С. 169-208.
- Деррида Ж. 2000. Фрейд и сцена письма. — *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму* / Пер. с фр., составление и вступ. ст. Г.К. Косикова. — М.: Издательская группа «Прогресс». — С. 336-378.
- Долбилов М. 2010. *Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Ефимов А. 2012. Ост-Российская компания. — *Сайт «Лента.ру»*. 24 апреля. — Доступно: <http://lenta.ru/columns/2012/04/23/colonize/> — Проверено: 12.05.2012.
- Жеребкин С. 2007. Наслаждение быть украинкой: вдохновение постколониальности в украинских гендерных исследованиях. — *Гендерные исследования (Харьков)*. — Вып. 15. — С. 272-294.
- Захаров А. 2008. *Унитарная федерация: Пять этюдов о российском федерализме*. — М.: Московская школа политических исследований.
- Зорин А.Л. 2001. *Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Кагарлицкий Б.Ю. 2009. *Периферийная империя: циклы русской истории*. — М.: Эксмо.
- Кадио Ж. 2010. *Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860-1940* / Пер. с фр. Э. Кустовой. — М.: Новое литературное обозрение.
- Казанский П.Е. 1913. *Власть всероссийского императора. Очерки действующего русского права*. — Одесса: Техник.
- Карамзин Н.М. 2002. Мнение русского гражданина [17 октября 1819 г.]. — Карамзин Н.М. *О древней и новой России*. — М. — С. 436-443.
- Киршбаум Г. 2010. Конференция «Внутренняя колонизация России» (Пассау, Германия, 23—25 марта 2010 г.). — *Новое литературное обозрение*. — № 105. — С. 421-428.
- Ключевский В.О. 1987. Курс русской истории [Кн. 1]. — Ключевский В.О. *Сочинения: В 9 т.* Т. 1. — М.: Мысль.
- Ключевский В.О. 1990. Афоризмы. — Ключевский В.О. *Сочинения: В 9 т.* Т. 9. — М.: Мысль.
- Кондрашин В.В. 2009. *Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма*. — М.: РОССПЭН.
- Кручковский Т.Т., Хилюта В.А. 2011. «Записка о Польше» Н.М. Карамзина как определение польского вопроса в России в первой трети XIX века. — *История Польши в историо-*

графической традиции XIX — начала XX вв.: материалы Международной научной конференции. Гродно, 29-30 октября 2009 г. / Под общ. ред. Т.Т. Кручковского. — Гродно: ГрГУ. — С. 95-103.

Крылов К. 2006. Итоги Саида: жизнь и книга — Саид Э.В. *Ориентализм: Западные концепции Востока* / Пер. с англ. А.В. Говорунова. — СПб.: Русский Мир. — С. 598-635.

Лакиер А. 1847. История титула государей России. — *Журнал Министерства народного просвещения*. — № 10-11.

Лакиер А. 1855. *Русская геральдика. Кн. 1*. — СПб.: В типографии II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.

Лаппо-Данилевский А.С. 1920. Очерк развития русской историографии — *Русский исторический журнал*. — Кн. 6.

Ленин В.И. 1967а. К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты — Ленин В.И. *Полн. собр. соч.: В 55 т.* 5-е изд. — М.: Гос. изд-во политической литературы. — Т. 2. — С. 119-262.

Ленин В.И. 1967б. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка промышленности — Ленин В.И. *Полн. собр. соч.: В 55 т.* 5-е изд. — М.: Гос. изд-во политической литературы. — Т. 3. — С. 1-609.

Ленин В.И. 1967в. Капитализм в сельском хозяйстве — Ленин В.И. *Полн. собр. соч.: В 55 т.* 5-е изд. — М.: Гос. изд-во политической литературы. — Т. 4. — С. 92-152.

Лор Э. 2010. «Германское заимствование»: подданство и политика в области иммиграции и натурализации в Российской империи конца XIX — начала XX века / Пер. с англ. М. Лоскутовой — *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи* / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 330-353.

Лор Э. 2012. Гражданство и подданство. История понятий / Пер. с англ. С.С. Константиновой // *Понятия о России: К исторической семантике имперского периода: В 2 т.* — М.: Новое литературное обозрение. — С. 197-222.

Любавский М.К. 1996. *Обзор истории русской колонизации*. — М.

Мартин Т. 2011. *Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939* / Пер. с англ. О. Щёлоковой. — М.: РОССПЭН.

Мельников К., Гудков А., Панченко А. 2012. Вся власть в Сибири. Восточные регионы страны могут получить беспрецедентные права — *Коммерсантъ*. 20 апреля. — Доступно: <http://kommersant.ru/doc/1919404> — Проверено: 12.05.2012.

Миллер А.М. 2007. Малороссийское генерал-губернаторство — *Западные окраины Российской империи* / Под ред. М. Долбилова, А Миллера. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 58-59.

Пештич С.Л. 1958. «Синописис» как историческое произведение — *Труды Отдела древнерусской литературы*. — М.-Л.: Изд-во АН СССР. — Т. XV. — С. 284-298.

Полян П. 2001. *Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР*. — М.: ОГИ.

Портнов А. 2012. Третий (не)лишний. Переосмысление наследия Польско-Литовской Речи Посполитой и Украина — *Сайт «Уроки истории. XX век»*. Блог Андрея Портнова. 23 января. — Доступно: <http://urokiistorii.ru/blogs/andrei-portnov/2871> — Проверено: 25.01.2012.

Пыжиков А.В. 2003. *Административно-территориальное устройство России. История и современность*. — М.: Olma Media Group.

Ремнев А. 2004. Вдвинуть Россию в Сибирь: Империя и русская колонизация второй половины XIX — начала XX века — *Новая имперская история постсоветского про-*

странства (Библиотека журнала «*Ab Imperio*»). — Казань: Центр исследований национализма и империи. — С. 223-242.

Ремнев А. 2010. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний — русский «*Sonderweg*»? — *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи* / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 150-181.

Ремнев А.В., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Зиновьев В.П. и др. 2007. *Сибирь в составе Российской империи* / Под общ. ред. А.В. Ремнева и Л.М. Дамешака. — М.: Новое литературное обозрение.

Росбалт (Б.а.). 2012. Минфин раскритиковал идею госкорпорации по развитию Сибири — *Сайт информационного агентства «Росбалт»*. 2 мая. — Доступно: <http://www.rosbalt.ru/business/2012/05/02/976396.html> — Проверено: 12.05.2012.

Рябчук М. 2011. *Постколониальный синдром. Спостереження*. — Київ: К.І.С.

Сандерленд В. 2010. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство / Пер. с англ. В. Макарова — *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи* / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 105-149.

Свод Законов Российской Империи. 1912. — СПб.: Книжное товарищество «Деятель»: В 5 кн. — Кн. 1.

Слѣзкин Ю. 2008. *Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера* / Авториз. пер. с англ. О. Леонтьевой. — М.: Новое литературное обозрение.

Соловьев С.М. 1993. История России с древнейших времен. Т. 4 — Соловьев С.М. *Соч.: В 18 кн.* Кн. 2. — М.: Голос. — С. 385-763.

Уортман Р. 2004. *Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т.* / Пер. с англ. С. Житомирской, И. Пильщикова. — М.: ОГИ.

Успенский Б.А. 2000. *Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов*. — М.: Языки русской культуры.

Филюшкин А.И. 2006. *Титулы русских государей*. — М.-СПб.: Альянс-Архео.

Формозов А.А. 2005. *Человек и наука. Из записей археолога*. — М.: Знак.

Фуко М. 2005. «Нужно защищать общество». *Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году* / Пер. с фр. ЕА Самарской. — СПб.: Наука.

Черкасов П.Л. 1983. *Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI-XV вв.* — М.: Наука.

Эткинд А. 1998. *Хлыст. Секты, литература и революция*. — М.: Новое литературное обозрение.

Эткинд А. 2002. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России — *Ab Imperio*. — № 1. — С. 265-298.

Эткинд А. 2011. Дыра в картине мира: почему колониальные авторы писали о России, а постколониальные нет — *Ab Imperio*. — № 1. — С. 99-116.

Allina-Pisano J. 2008. *The Post-Soviet Potemkin Village: Politics and Property Rights in the Black Earth*. — Cambridge; New York; Melbourne et al.: Cambridge University Press.

Anderson B. 1991. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. — London: Verso (2nd ed.).

Arendt H. 1994. *The Origins of Totalitarianism* (1951). — New York: Harcourt Brace.

Bassin M. 1993. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces — *The Journal of Modern History*. — Vol. 65. — No. 3 (September). — P. 473-511.

- Best U. 2007. Postkoloniales Polen? Polenbilder im postkolonialen Diskurs — *Geographische Revue*. — Bd. 9. — No. 1/2. — S. 59-72.
- Blauner R. 1969. Internal Colonialism and Ghetto Revolt — *Social Problems*. — Vol. 16. — No. 4 (Spring). — P. 393-408.
- Braudel F. 1967. *Capitalism and Material Life, 1400-1800* / Transl. from French by Miriam Kochan. — London: Weidenfeld.
- Calvert P. 2001. Internal Colonisation, Development and Environment — *Third World Quarterly*. — Vol. 22. — No. 1. — P. 51-63.
- Carmichael S., Hamilton C.V. 1967. *Black Power: The Politics of Liberation in America*. — New York: Random House; Vintage Books.
- Casanova P.G. 1963. Sociedad Plural, Colonialismo Interno y Desarrollo — *América Latina*. — Vol. 6. — No. 3.
- Casanova P.G. 1965. Internal Colonialism and National Development — *Studies in Comparative International Development*. — Vol. 1. — No. 4.
- Cesaire A. 2000. *Discourse on Colonialism (1950)* / Transl. by Joan Pinkham. — New York: Monthly Review' Press
- Chavez J.R. 2011. Aliens in Their Native Lands: The Persistence of Internal Colonial Theory — *Journal of World History*. — Vol. 22. — No. 4. — P. 785-809
- Chernetsky V. 2007. *Mapping Postcommunist Cultures. Russia and Ukraine in the Context of Globalization*. — Montreal; London.- McGill-Queen's University Press.
- Condee N. 2009. *The Imperial Trace: Recent Russian Cinema*. — Oxford; New York: Oxford University Press.
- Cotier J. 1967/1968. The Mechanics of Internal Domination and Social Change — *Studies in Comparative International Development*. — Vol. 3. — No. 2. — P. 407-445.
- Cruse H. 1968. *Rebellion or Revolution?* — New York: William Morrow & Co.
- Dennison T.K., Carus A.W. 2003. The Invention of the Russian Rural Commune: Haxthausen and the Evidence — *The Historical Journal*. — Vol. 46. — No. 3. — P. 561-582.
- Etkind A. 2007. Orientalism Reversed: Russian Literature in the Times of Empires — *Modern Intellectual History*. — Vol. 4. — No. 3. — P. 617-628.
- Etkind A. 2011. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. — Cambridge: Polity Press.
- Feichtinger J., Prutsch U., Csaky M. (Hrsg.). 2003. *Habsburg postcolonial. Machtstrukturen und kollektives Gedächtnis*. — Innsbruck et al.: Studien Verlag.
- Fernandez-Armesto F., Muldoon J. (Ed.) 2008. *Internal Colonization in Medieval Europe*. — Farnham: Ashgate/Variorum.
- Geraci R. 2001. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. — Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- Gladney D.C. 1998. Internal Colonialism and the Uyghur Nationality: Chinese Nationalism and its Subaltern Subjects — *Cahiers d'Etudes sur la Méditerranée Orientale et le monde Tlirco-Iranien*. — No. 25: Les Ouïgours au vingtième siècle. — P. 47-64.
- Gorshenina S., Abashin S. (Ed.). 2009. *Le Tlirkestan russe: une colonie comme les autres?* Paris: Complexe (Collection de l'IFeAC — Cahiers d'Asie centrale. — No. 17/18).
- Gouldner A.W. 1977/78. Stalinism: A Study of Internal Colonialism — *Telos*. — Vol. 34. — P. 5-48.
- Greenfield L. 1992. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. — Cambridge, MA Harvard University Press.
- Harris D.J. 1972. The Black Ghetto as «Internal Colony»: A Theoretical Critique and Alternative Formulation — *Review of Black Political Economy*. Summer. — No. 2. — P. 3-33.

Haxthausen A.F. von. 1847. *Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die landlichen Einrichtungen Rufilands*. Zweiter Theil. — Hannover: Hahn'sche Hofbuchhandlung.

Hechter M. 1975. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966*. — London: Routledge & Kegan Paul.

Hind R.J. 1984. The Internal Colonial Concept — *Comparative Studies in Society and History*. — Vol. 26. — No. 3. — P. 543-568.

Hobson J.A. 1902. *Imperialism: A Study*. — New York: James Pott and Co..

Kelertas V. (Ed.). 2006. *Baltic Postcolonialism. On the Boundary of Two Worlds: Identity, Freedom, and Moral Imagination in the Baltics*. — Amsterdam; New York: Rodopi.

Korek J. (Ed.). 2007. *From Sovietology to Postcoloniality. Poland and Ukraine in the Postcolonial Perspective*. (Sodertorn Academic Studies, 32). — Stockholm: Soedertoerns hoegskola.

Koyama S. 2007. The Polish-Lithuanian Commonwealth as a Political Space: Its Unity and Complexity — *Regions in Central and Eastern Europe: Past and Present* / Ed. by Tadavuki Hayashi and Fukuda Hiroshi. — Sapporo: Hokkaido University; Slavic Research Center. — P. 137-153.

Kratochvil A. 2010. Postkoloniale Lektüre ukrainischer Gegenwartsliteratur — *Anzeiger für Slavische Philologie*. — Bd. 36. — S. 31-73.

Krupat A. 2000. Postcolonialism, Ideology, and Native American Literature — *Postcolonial Theory and the United States: Race, Ethnicity, and Literature* / Ed. by A. Singh, P. Schmidt. Jackson. — MS: University Press of Mississippi. — P. 73-94.

Kujundzic D. 2000. «After»: Russian Post-Colonial Identity — *Modern Languages Notes*. — Vol. 115. — No. 5 (December). Comparative Literanire Issue. — P. 892-908.

Lieven D. 2003. *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. — London: Random House.

Liu J. 2000. Towards an Understanding of the Internal Colonial Model — *Postcolonialism: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies: In 5 Vols* / Ed. by Diana Brydon. — Vol. 4. — London: Routledge. — P. 1347-1364.

Lust K. 2008. Kiselev's Reforms of State Peasants: The Baltic Perspective — *Journal of Baltic Studies*. — Vol. 39. — No. 1. — P. 57-71.

Mackenthun G. 2000. America's Troubled Postcoloniality: Some Reflections from Abroad — *Discourse*. — Vol. 22. — No. 3. Fall. — P. 34-45.

Martin T. 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. — Ithaca, NY: Cornell University Press.

Moore D.C. 2001. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique — *Publications of the Modern Language Association of America*. — Vol. 116. — No. 1 (January 2001). — P. 111-128.

Netzloff M. 2003. *England's Internal Colonies: Class, Capital, and the Literature of Early Modern English Colonialism*. — New York. London: Palgrave Macmillan.

Nolte H.-H. 1991. Internal Peripheries in Europe — *Internal Peripheries In European History* / Ed. by H.-H. Nolte. — Göttingen; Zurich: Muster-Schmidt. — P. 5-28.

Nowak A. 2004. *Od imperium do imperium: Spojrzzenia na historic Europy Wschodniej*. — Krakow. Wydawnictwo ARCANA.

Nowak A. 2011. *Imperiological Studies: A Polish Perspective*. — Krakow: Societas Vistulana. (Krakow Historical Monographs, v. 2).

O'Brien D.J., Wegren S.K. (Ed.). 2002. *Rural Reform in Post-Soviet Russia*. — Washington: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press.

- Pavlyshyn M. 1992. Post-Colonial Features in Contemporary Ukrainian Culture — *Australian Slavonic and East European Studies*. — Vol. 6. — No. 2. — P. 41-55.
- Pavlyshyn M. 1993. Ukrainian Literature and the Erotics of Postcolonialism: Some Modest Propositions — *Harvard Ukrainian Studies*. — Vol. 17. — P. 110-126.
- Pérez E. 1999. *The Decolonial Imaginary: Writing Chicanas into History, Theories of Representation and Difference*. — Bloomington: Indiana University Press.
- Ram H. 2003. *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*. — Madison: University of Wisconsin Press.
- Rogger H. 1993. Reforming Jews — Reforming Russians: Gradualism and Pessimism in the Empire of the Tsars — *Hostages of Modernization. Studies on Modern Anti-Semitism 1870-1933/39* / Ed. by Herbert A. Strauss: In 4 vols. Berlin: de Gruyter. — Vol. 2. — P. 1208-1229.
- Ross K. 1995. *Fast Cars, Clean Bodies: Decolonization and the Reordering of French Culture*. — Cambridge, MA The MIT Press.
- Rothberg M. 2009. *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. — Stanford: Stanford University Press.
- Scott J.C. 1998. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. — New Haven: Yale University Press.
- Sering M. 1893. Die innere Kolonisation in östlichen Deutschland — *Schriften des Vereins für Socialpolitik*. — Bd. 56. — Leipzig: Duncker u. Humblot.
- Shkandrij M. 2001. *Russia and Ukraine: Literature and the Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times*. — Quebec City: McGill-Queen's Press.
- Simonek S. 2003. Möglichkeiten und Grenzen postkolonialistischer Literaturtheorie aus slawistischer Sicht — *Habsburg postcolonial. Machtstrukturen und kollektives Gedächtnis* / Hrsg. von J. Feichtinger, U. Prutsch u. M. Csaky. — Innsbruck et al.: Studien Verlag. — S. 129-139.
- Singh A., Schmidt P. 2000. On the Borders between U.S. Studies and Postcolonial Theory — *Postcolonial Theory and the United States: Race, Ethnicity, and Literature* / Ed. by A. Singh, P. Schmidt. — University Press of Mississippi. — P. 3-71.
- Snyder T. 2010. *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin*. — London: The Bodley Head.
- Sproede A., Lecke M. 2011. Der Weg der *postcolonial studies* nach und in Osteuropa — *Polen, Litauen, Russland. Überspringen — Überformen — Überblenden. Theorietransfer im 20. Jahrhundert* / Hrsg. v. Dietling Hüchtker u. Alfrun Kliems. — Köln et al. — S. 27-66.
- Stavenhagen R. 1965. Classes, Colonialism, and Acculturation — *Studies in Comparative International Development*. — Vol. 1. — No. 6. — P. 53-77.
- Taagepera R. 1988. An Overview of the Growth of the Russian Empire — *Russian Colonial Expansion to 1917* / Ed. by Michael Rywkin. — London; New York: Mansell. — P. 1-7.
- Thompson E. 2000. *Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism*. — Westport (CT); London: Greenwood Press.
- Thompson E. 2005. Said a sprawa polska. Przeciwno kulturowej bezsilności peryferii — *Europa. Tygodnik idei*. 29.06. — No. 26 (65). — P. 11-13.
- Tönnies F. 2000. Innere Kolonisation in Preußen insbesondere der ehemaligen Provinzen Posen und Westpreußen — *Soziologische Studien und Kritiken (1923)* / Hrsg. v. D. Haselbach — *Ferdinand Tönnies Gesamtausgabe: 24 Bde.* Hrsg. v. L. Clausen, A. Deichsel u.a. — Bd. 15. — Berlin; New York, de Gruyter.
- Trotsky L. 1949. Independence of the Ukraine and Sectarian Muddleheads — *Fourth International (New York)*. — Vol. 10. — No. 11 (December). — P. 346-350.
- Vatanabadi S. 1996. Past, Present, Future, and Postcolonial Discourse in Modern Azerbaijani Literature — *World Literature Today*. — Vol. 70. — No. 3. — P. 493-497.

Velychenko S. 2002. The Issue of Russian Colonialism in Ukrainian Thought: Dependency Identity and Development — *Ab Imperio*. — No. 1. — P. 323-367.

Viola L. 1998. *Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. — Oxford University Press.

Weber E. 1976. *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France*. — Stanford Stanford University Press. — P. 67-94.

Wolpe H. 1975. The Theory of Internal Colonialism: The South African Case — *Beyond the Sociology of Development: Economy and Society in Latin America and Africa* / Ed. by I. Oxaal, T. Barnett, D. Booth. — London: Routledge & Kegan Paul. — P. 229-252.